

Александр Фомичев

РАТЦБОР

И ОДИН В ПОДЪЕ ВОИН

16+

Ратибор

Александр Фомичев

Ратибор. И один в поле воин

«Автор»

2021

Фомичев А.

Ратибор. И один в поле воин / А. Фомичев — «Автор»,
2021 — (Ратибор)

ISBN 978-5-532-92673-8

Почти год минул с той поры, как объединённое войско русичей разбило наголову Хазарский каганат, а глава городской стражи Мирграда, запыхавшись, ворвался во дворец князя Святослава на свадебный пир с ужасным известием. Страшное преступление, произошедшее в городе, потрясло до глубины души любого, кто о нём слышал, и заставило Ратибора, Мирослава и Яромира невольно разделить да пойти каждого своей дорогой. Так что за беда пришла в Мирград? С какими кровавыми долгами предстоит рассчитаться нашему герою и его верным друзьям? Приносит ли долгожданная месть облегчение? И кто же на свете всех сильнее, упрямей и храбрее? Ответы на эти вопросы вы найдёте, прочитав вторую часть сказания о Ратиборе из племени русов.

ISBN 978-5-532-92673-8

© Фомичев А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Деревня Залесье	5
Глава 2. Таверна «Старый дуб»	6
Глава 3. Хмурое утро	13
Глава 4. Шатун	15
Глава 5. Юго-восточный рубеж	23
Глава 6. Стойбище печенегов	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Фомичев

Ратибор. И один в поле воин

Глава 1. Деревня Залесье

Смеркалось. Видная деревня с говорящим названием Залесье располагалась на северо-западном направлении, всего в двух днях пути от Мирграда, столицы славного Мирградского княжества, и была та слобода довольно крупным населённым пунктом по тамошним меркам. По крайней мере, крупным для простой деревушки, ибо её население составляло уже более двух тысяч человек, и местный люд давно требовал присвоить им статус пусть небольшого, но города, ведь были здесь и свой постоянный двор под названием «Старый дуб», и свои пекарня, конюшня да винодельня с пивоварней. С востока, юго-востока и юга окружали Залесье дремучие, непроходимые чащи, растянувшиеся на многие километры, из-за чего, собственно, и возникло это звучное название у деревни. Леса те были богаты зверьём с ценным мехом вроде норок, куниц и соболей да грибами с ягодами, и стоит ли говорить, что основная часть населения Залесья издавна промышляла охотой да собирательством, являясь одним из основных поставщиков ценной пушнины для Мирграда. Дела процветали. Но сейчас, под вечер, деревня странным образом затихла. В окнах изб, закрытых изнутри массивными ставнями, едва заметно горели масляные лампы да свечи, а на кривых улочках Залесья не было ни души. Лишь в таверне «Старый дуб», располагавшейся практически в самом центре селения, редко раздавался нестройный гул голосов. Что-то сильно напугало местных жителей, раз они предпочли запереться в своих домах на все ставни и засовы.

Глава 2. Таверна «Старый дуб»

Таверна «Старый дуб» представляла собой добротное двухэтажное строение, сложенное из толстенных дубовых брёвен, нарубленных из обильно растущих в окрестностях Залесья и разбавляющих дремучую чащобу окружавшего поселение леса вековых деревьев. В последнее время по вечерам только здесь и была ключом жизнь во всей деревне. Хотя зал трактира был далеко не заполнен; многие остались дома, с семьями. Те же местные, что сидели за столами, человек двадцать всего, были все вооружены, кто как мог. Но в основном имелись у них с собой лишь ножи, топоры да луки со стрелами. И ещё в углу корчмы стояло с дюжину крепких рогатин. Видно, некоторые из здешних жителей пожаловали с этим древнейшим, как сам мир, оружием и притулили его к стене харчевни, пока сами отдыхали за кружкой аль кувшинчиком доброго местного вина да медовухи с квасом или пивом.

Между тем в «Старом дубе» было довольно тихо, что вообще-то нехарактерно по вечерам для всякого рода кабаков, кои забиты обычно в это время под завязку отдыхающим людом, зашедшим посплетничать да посудачить за кружечкой-другой о делах насущных. Местные жители, сидевшие в таверне, переговаривались тихо между собой, вполголоса, стараясь не шуметь. Лишь изредка были слышны громкий стук кружки о стол, слабый перезвон брошенных монет да негромкая просьба повторить заказ к трактирщику Куломию, низкорослому, довольно пухленькому добродушному мужичку средних лет, либо его помощнице Свариге, слегка сутулой женщине неопределённого возраста, бывшей ему ещё и женой по совместительству. Те тоже старались особо не громыхать, молча поднося и унося выпивку да жаркое.

– Да спорим, что не вернутся они! Те двое! Не по зубам им наш хромой косолапыч оказался! – вдруг раздался громкий, порядком уже хмельной голос на всю харчевню.

Это один из местных охотников, весьма крупный мужчина лет тридцати пяти, изрядно уже набравшись, не выдержал гнетущей тишины, повисшей в кабаке, и подал голос, вдобавок бахнув ещё тяжёлой деревянной кружкой по дубовому столу.

– Да тише ты, Драговит! Не накликай лиха, пока оно тихо! – зашикали на него окружающие.

– Может, и вернутся ещё, обождать надо! Времени всего ничего прошло! – задумчиво произнёс другой охотник средних лет по имени Боян, куда более трезвый, а значит, и более здравомыслящий, чем его собеседник.

– Да хватит мне шикать! – бросил презрительно тот, кого называли Драговитом. – Сидим тут, как крысы в норах своих! Аль не охотники мы, лучшие в округе?! Чего ждать-то ещё, прихода зимы, что ль?! Ясное дело, разорвал их потапыч и теперь, поди, плотно ими перекусив, дрыхнет себе сыто до тех пор, пока опять не проголодается!..

– Что ты предлагаешь, Драг? Пойти поохотиться, что ль? Так уже пытались! Напомнить тебе, чем дело закончилось? – встрял в разговор третий местный.

– Ты, Лодомил, себе лучше напомни об этом, а мне не надо! Ибо я, в отличие от тебя, там был! – вспылil Драговит.

– Ага, есть чем гордиться! Драпал ведь до самой деревни так с испугу, как не каждый олень умеет! – хмыкнул ядовито Лодомил, мужчина лет сорока с бородищей, свисающей чуть ли не до пола.

– Ты, видно, давно по рогам не получал! – Драговит пьяно насупился.

– Смотри, сам не отхвати! – Лодомил презрительно фыркнул. – Тоже мне, герой! Как нажрётся, так сразу храбрец, каких поискать! Что же ты по трезвой-то молчал, а?!

– Да я тебя сейчас... – Драговит стал подниматься, буравя зло Лодомила нетрезвым взглядом. – Утоплю в бочке, аки фекалию!..

– Фекалии не тонут, Драг, – влез опять Боян. – Угломонитесь уже оба! Уверен, те двое, что нам в помощь отправили из самого Мирграда, уладят нашу проблему. Слышал я о них. Лучшие, говорят, в своём деле!

– Да кто говорит-то, кто говорит?! – Драговит поколебался чуть и сел назад под насмешливым взором Лодомила. – Слухи всё это! Да и наш хромоногий не простой медведь же! Оборотень он наверняка! Оттого и поймать его не могут!

– Да?! И в кого же он оборачивается? В пень, что ль?! – язвительно поинтересовался Лодомил.

– Может, в тебя! – неожиданно бахнул Драговит. – Потому его давно и не слышно, что ты тут сидишь, а?!

– Ты совсем сбрендил, ишак пьяный?! – Лодомил аж пивом поперхнулся, расплескав его по столу. – Не, ну это же надо такое сказануть-то, а?!

– Кто ишак пьяный?! – оскалился Драговит. – Я?!

– Ну не я же!

– Сейчас договоришься – точно по роже схлопочешь!

– А не боишься?! Вдруг дашь мне по роже, а я в медведя обернусь, а?!

– Вот заодно и проверим мою мысль! – Драговит принялся опять подниматься со скамьи, на этот раз с явным намерением довести начатое до конца, как вдруг почудилось всем сидящим внутри, будто за входной дверью в «Старый дуб» что-то зашуршало.

– Заткнитесь, вы оба! Тихо! – резко бросил до сих пор молчавший, явно пользовавшийся уважением у местных ещё один охотник, Благояр, мужчина лет пятидесяти на вид, с суровым, изрезанным глубокими морщинами лицом и тронутой сединой, но всё ещё густой шевелюрой.

В этот момент за дверью трактира раздались шаги, и кто-то нервно сначала постучался, а потом сильно подёргал за входную ручку. Народ в таверне начал вскакивать, хватаясь быстро за ножи, топоры да рогадины.

– Вы что, дурачки? – Благояр презрительно посмотрел на них. – Часто вы видели, как медведи в дверцы стучатся и входные ручки теребят? Эй, там, за калиткой! – гаркнул он уже громогласно. – На себя отворяй, а не от себя! Ну что там ещё за недотёпу принесло на ночь глядя, а?!

Дверь в «Старый дуб» распахнулась настежь, и в трактир неуклюже ввалился молодой человек среднего роста, лет двадцати на вид, не больше, с круглым лицом, обильно покрытым веснушками да обрамлённым густой копной русых волос. Был он в красных шароварах, такого же цвета сапогах да синем камзоле не первой свежести. Вся одежда странного путника делала его сильно похожим на чванливого павлина. Сидевшие в кабаке ошарашенно уставились на нежданного гостя.

– Чего вылупились?! – новоприбывший сам, в свою очередь, недовольно зыркнул на местных завсегдатаев. – Я – Емельян, посол самого князя Святослава! – при этих словах он, гордо выпятив тщедушную грудь, достал из-за пазухи верительную грамоту с печатью в виде головы медведя, держащего в своих клыках рукоять здоровенной секиры, и бегом показал её всему залу, тут же бережно свернув и убрав назад. – Извольте позаботиться о моём коне, что остался у входа! Напоить и накормить!

– А спать уложить ещё не надо? – съязвил неугомонный Лодомил.

– Надо, почему же нет?! Вот и займись этим, коли вызвался! – Емельян за словом в карман не лез.

В трактире раздались смешки. Нервное напряжение, что грозовой тучей висело в «Старом дубе», растаяло, и местные жители с любопытством принялись разглядывать незнакомца. Да, в их деревне так никто не одевался... Точнее, никому бы в голову не пришло так одеться!

Трактирщик Куломий выглянул с лампой за дверь; прищурясь, осмотрелся, потом, обернувшись, крикнул:

– Бажен! Пригляди за конём гостя дорогого!

Бажен, старший сын Куломия, парень лет семнадцати, исполняющий при постоянном дворе своего отца всякую грязную, тяжёлую работу, в том числе и местного конюха, нехотя встал с лавки в конце зала, где сидел, потягивая пиво, и неторопливо пошёл на выход.

– Это за труды твои, любезный! – Емельян бросил ему серебряную монету, которую Бажен ловко поймал на лету, попробовал быстро на зуб, шустро спрятал в боковой карман и довольно заулыбался.

– Всё сделаем в лучшем виде, не извольте волноваться! И накормим, и напоим, и помоем, и спать уложим, если надо будет!.. Можем даже колыбельную ему спеть, за отдельную плату...

После чего уже стремительно, с явно проснувшимся желанием ещё сегодня поработать, вышел наружу.

– Хозяин! Пива и во-о-он тот окорок румяный, что пялится прямо на меня! – Емельян прошёл к одному из столов в центре зала, за которым сидело несколько человек, и без спроса плюхнулся на свободное место.

– Надеюсь, не помешаю? – хмыкнул он вальяжно. – Пива, хозяин, всем, кто находится сейчас в твоей харчевне, то есть всем присутствующим! Я угощаю!

Емельян высыпал на стол горсть серебряных монет. Сидевшие рядом с ним местные работяги, собравшиеся было сообщить ему, что «помешает, и ещё как», тут же заулыбались и мгновенно сменили гнев на милость. Кто же не любит пить пиво за чужой счёт? Поначалу настороженное отношение к только что прибывшему чужаку быстро сменилось у присутствующих на благожелательное. Лишь умудрённого житейским опытом Благояра так быстро и дешёво купить не удалось, но он только с лёгкой ироничной улыбкой молча наблюдал за происходящим.

– Ух, ну и устал я с дороги! Но всё позади! Наконец-то я на месте! Это ведь Залесье, верно? – Емельян махом выпил поставленную перед ним кружку прохладного хмельного напитка и принялся споро уплетать только что принесённый Сваригой румяный говяжий окорок, что так аппетитно смотрел на него с вертела, на котором он не спеша готовился до этого.

– Так точно, оно, родимое! А ты из Мирграда, значит? Посол самого государя?! Какими судьбами к нам? И главное, в такое время! Темень уже наступила, не страшно было? – Боян первый потерял терпение и осторожно приступил к расспросам.

– Да дайте прийти в себя человеку с дальней дороги! – Благояр неодобрительно скрипел. – Попить, перекусить, потом и мучайте!

Местные неохотно, но согласно закивали, что не мешало им, однако, подавшись вперёд, приготовиться вдумчиво ловить каждое слово Емельяна.

– Из Мирграда, да! – степенно отвечал новоприбывший, явно польщённый тем, что ему удалось привлечь всеобщее внимание к своей драгоценной персоне. – Посол самого князя Святослава...

– Да слышали мы это уже, дальше вещай! – не выдержал пьяный Драговит, за что быстро получил зуботычину от соседей по столу и, как ни странно, счёл за благо пока заткнуться, присосавшись к очередному кувшину с вином.

– Посла самого Святослава не рекомендую я перебивать тебе более! – неодобрительно посмотрев на Драговита, недовольно молвил Емельян. – Трактирщик, пива и вина! Всем! – и высыпал ещё одну горсть серебра на стол.

– Во-о-от, это по-нашему! Молодец, посол! – одобрительно загудели в таверне. – Хорошо, что в такое смутное время смог ты до нас добраться! В такую темень...

– Смутное время, темень... Вы, вообще, о чём?! – воскликнул недоумённо Емельян. – Погода отличная стоит, лето в разгаре! Ну, стемнело, так день к концу подходит, нет? Или у вас тут, в Залесье, по вечерам обычно солнце восходит? – уже ехидно молвил он.

– Так ты чего, не знаешь, что с нашей деревней за напасть приключилась?! – Драговит допил кувшин с вином и, подвинув к себе кружку с пивом, возмущённо уставился на Емельяна. – Да у нас тут тако-о-ое!

– Такое – это какое?! – немного подумав, решил уточнить Емельян, не забывая при этом уплетать за обе щёки румяный окорок.

– Тако-о-ое, у-у-у!..

– Заткнись, Драг! Пей своё пиво, я расскажу, – перебил его Лодомил.

– С чего ента? – возмутился тот.

– Да потому что ты лыка уже не вяжешь...

– Кто, я?!

– Свинья! Сам на рифму напросился!

– Драг, заткнись уже, правда! – стали шикать на него остальные. – На вон, пива тебе ещё!

Драговит замолчал, обиженно засопев, но очередную кружку янтарного напитка к себе придвинул охотно.

– Так вот, – продолжил Лодомил, – у нас тут в окрестностях медведь-людоед завёлся! – при этих словах голос бородача задрожал и заметно понизился.

– Да что ты говоришь?! – Емельян вдруг сразу почувствовал себя несколько неудобно. – Я так-то один сюда ехал...

– Так и я о чём! – воскликнул Боян. – Потому и спрашивал тебя про темень-то! А ты и не знал, что ль?!

– Ну, – помялся смущённо Емельян, – мне лишь сказал князь, что Мирослав с Белогором, отцом своим, отправлены им сюда по настойчивым просьбам жителей Залесья, дабы убить одного дикого зверя, что сильно досаждал местному населению. Ну, я думал там, может, кабана какого свирепого или гадюку...

– Ха-ха, кабана или гадюку! Да не, ты что! Белок мы попросили Святослава изловить всех у нас в лесах, белок! – встрял язвительно Драговит.

В таверне раздался громкий, дружный хохот; смеялся весь зал. Емельян густо покраснел.

– Медведь-людоед, значит... Вот оно как! И что, многих уже в лес уволок?

– Да девять человек уже, с весны, – отсмеявшись, уже серьёзно молвил Лодомил. – А уж сколько собак, поросят да коз перетаскал, и не считали! Эх, сами виноваты, разбудили мы нашего шатуна раньше времени! Шёл один из наших, Дивислав, по пятам за лисом, что из амбара повадился курей у него воровать, да ещё и псов своих по его следу пустил. А лис – на то и лис, что не дурак оказался да мимо лежища-то медвежьего и пробежал! Ну, они и наткнулись на берлогу, где шатун спал. Разбудили, естественно... В общем, Дивислава больше нет с нами, как и пары его собак. Ну а потом ещё облаву неумелую устроили на косолапыча, ранили его в заднюю лапу сильно... Но он порвал при этом двоих наших, а остальные разбежались, – с этими словами Лодомил насмешливо посмотрел на Драговита. – И с тех пор стал шатун хромать сильно на лапу-то покалеченную. И выбора у него теперь нет, кроме как в нашу деревню регулярно заходить, ибо не жилец он в чащобе, с такой лапой-то! Никого ведь не догонит... Ну и осторожен стал, зараза, до невозможности! Открыто уже не шастает, а приходит по ночам к нам. Тихо приходит! Ладно, если скотину какую домашнюю утащит в лес, так ведь и человеком не побрезгует!..

– Ну и когда терпеть стало совсем невмочь, отправили мы голубя сизого князю Святославу с убедительной просьбой прислать какой-нибудь лихой отряд охотников из Мирграда, дабы избавить нас от этой напасти лютой! – продолжил рассказывать уже Боян. – И вот через пару недель прибывают к нам эти двое, как их там, отец и сын...

– Белогор и Мирослав, – подсказал Емельян.

– Да, они самые! – оживился Боян. – С виду опытные, бывалые. Молчуны к тому же, то есть не особо говорливые... Выслушали лишь Благояра про нашу неудачную облаву да поин-

тересовались, где последний раз видели шатуна. Переночевали вон наверху в комнате одной, а наутро ни свет ни заря просто ушли в лес. Взяли с собой несколько рогатин странных, ещё какого-то оружия со снаряжением да козлёнка вон у Бажена прикупили. Видимо, для живца... Ну да так и не вернулись ещё до сих пор! Неделя уж прошла, а их всё нет и нет!

– Да потому что порвал их потапыч наш, говорю я вам! – Драговит не унимался.

– Так вы же тут все охотники! – удивлённо воскликнул Емельян. – Чего ж вы своего шатуна всё-таки сами не завалили?

– Гутарят же тебе, что пытались, – хмуро взял слово до сих пор молчавший Благояр. – Только одно дело – капканы на куниц и соболей ставить да по уткам с тетеревами из луков постреливать, и совсем другое – голодный медведь-шатун... Да, Драговит?

– Чего я-то сразу?! Все побежали, и я побежал!.. – смурной Драговит угрюмо замолчал, ибо сказать было больше нечего.

– М-дя... С той неудачной облавы, в общем, когда двоих наших он задрал, а остальные разбежались кто куда, не пытались мы более его в открытую загнать. Жить все хотят... – Боян печально вздохнул. – Единственное, пытались его травануть. Ну, подкинули на окраину деревни тушу телёнка годовалого, обсыпали её обильно ядами разными, да только шатун наш не клюнул ни фиги. Зато собаки наши вмиг соблазнились, чтоб их, окаянных!.. Потравили, в общем, почём зря животину свою... – Боян сокрушённо покачал головой.

– А я сразу глаголил, что это хреновая затея! – Драговит нервно рыгнул.

– Да?! Вообще-то, помнится, ты был только за! Сам же этого телёнка и помогал тащить! – насмешливо молвил Лодомил.

– Что?! Это наглая ложь! – возмутился неуверенно Драговит.

– Да было, Драговит, было! Ты просто налакался, как обычно, и не помнишь ничего! Сама лично видела, как ты его тащил! – встряла проходящая мимо с подносом, полным кружек доброго пива, пухлая Сварига.

– Правильно говоришь, Сварига, конечно, было дело! – поддержал её народ. – Много кто был там, так что, Драг, не заливай нам тут!

– Ладно, ладно! Тащить, может, и помогал, спорить не буду! – огрызнулся зло Драговит. – Но в душе я был против!

– Да молчи ты уж! – зашикали опять на него.

– Я что, один его волочил?! – пробурчал красный как рак Драговит. – Все тащили, и я тащил! А идею первый Лодомил озвучил!

– Ой, взаправду, теперь крайних, что ль, искать будем? – Лодомил зло вылутился на Драговита. – Все хороши!

– И то верно... – начали вздыхать печально в трактире.

– Вот в такую скверную историю мы вляпались, как там тебя, посол?.. Емельян? Да, Емельян... – прокряхтел тяжело Боян. – Жизнь в деревне парализована фактически. На охоту почти никто не рискует ходить вот уже как с недели три, не меньше, а лес нас кормит как-никак! И мясо, и шкуры, и дичь, и ягоды с грибами да травами разными... Всё там добываем! А теперь лишь сидим сиднем да доедаем запасы наши, но нам ведь они ещё самим пригодятся! Что мы есть зимой будем, коли сейчас ничего не запасём?!

– А ты, мил человек, зачем к нам пожаловал-то из самого Мирграда? Какова, так сказать, цель визита твоего? – прервал всеобщие ахи-вздохи Благояр.

Зал тут же затих, и два десятка пар глаз уставились на Емельяна.

– Хороший вопрос, между прочим, – икнул с пьяной ухмылкой Драговит. – Главное, что своевременный!..

– Да умолкни ты уже, – в очередной раз зашипели на него.

– Да я, ента... Послан Святославом как раз за двумя охотниками этими, пришлыми... За Мирославом и его отцом Белогором, – молвил задумчиво Емельян. – Задание у меня к ним есть от князя! Думал, перехвачу их тут, а оно вишь как сложилось... Что, может, и нет их уже!..

– Так и я о чём! – радостно подхватил Драговит. – Говорю же, что их потапыч наш...

– Заткнись! – вдруг громко рявкнул на него Благояр, так, что Драговит, поперхнувшись, решил и вправду примолкнуть, обхватив руками очередную кружку с пивом.

– Белогора я давно знаю, пересекались несколько раз. Опытнейший охотник на медведей, между прочим, – продолжил тем временем Благояр. – Ну и, судя по всему, сын его, Мирослав, тоже не промах. Не верю я, что сгинули они в наших лесах. А не воротились потому, что просто дело своё ещё не сделали, вот и всё.

– Верно! – подхватили в таверне. – Как всегда, здраво мыслишь, Благояр!

– Ну а зачем они Святославу понадобились-то? – спросил лениво Лодомил. – Отправил ведь их к нам на задание, чего тревожить? Иль больше некому, что ль, поручения княжьи выполнять?

– Ты, Лодомил, смотайся-ка в Мирград да задай эти вопросы лично государю, – мстительно посоветовал вновь открывший рот Драговит. – Уверен, за кружкой доброго кваса Святослав тебе всё подробно и разъяснит! Ему ведь больше заняться нечем, кроме как объяснять каждому ротозею, что, зачем и почему...

– Князю, собственно, только Мирослав нужен. А вот зачем, не могу говорить, – важно молвил Емельян. – Государственная тайна...

– А это правда, что этот Мирослав – ента тот самый, ну, что в первом ряду, рядом с самим Ратибором, Яромиром и Святославом в битве с хазарами стоял, плечом к плечу? – поинтересовался вдруг Боян у Емельяна. – Слухами земля полнится...

– Чистая правда, – важно отвечал Емельян, – он самый. И батя его в первом ряду был, и я вместе с ними...

– Ха-ха, да не заливай, – раздалось в ответ. – Кто же в своём уме тебя в первый ряд поставит?!

– Вот-вот! Поди, так же, как мы, в серединке где-нибудь был или вообще в последних рядах, – Лодомил хохотнул.

– Приврать мы все любим, посол, но не до такой же степени! – насмешливо неслось со всех сторон.

– Ха-ха-ха, он стоял рядом с Ратибором, Святославом и Яромиром в первом ряду, ха-ха! Ну ты и брехун у нас, оказывается! – общий смех в таверне нарастал как снежный ком.

– Поди, всю битву на горшке просидел от страха!

– Или на дереве, что повыше!

– Ты вообще-то там был, посол? Или в городе с девками отсиживался? – лавина насмешек обрушилась на незваного гостя.

– Ах так! – весь пунцовый от стыда Емельян вскочил на ноги. – Я вам докажу, докажу!

– Что ты нам докажешь и, главное, как, мил человек? – лишь один Благояр не поддержал общего веселья. – Не делай глупостей! Не бери просто на себя того, чего не было, и доказывать никому ничего не придётся, запомни это...

Но Емельяна, которому ударили в голову хмельные пары от выпитого, уже было не остановить:

– Д-докажу, что я не трус! Завтра я пойду один в лес и сам завалю вашего медведя, коль вы все не способны оказались на это!

В зале мгновенно повисла тишина. Завсегдатаи корчмы потрясённо уставились на Емельяна.

– Ой, дура-а-ак! – наконец хмыкнул весело Драговит.

– Ну-ну, позыркаем завтра, какой из тебя охотник на медведей, посол! – народ в харчевне опять заулыбался.

– Да он одним взглядом нашего шатуна завалит, ей-ей! Смотрите, какой грозный!

– Потешайтесь, потешайтесь! – как это часто бывает с нетрезвыми людьми, Емельян явно переоценивал свои силы. – Поглядим, кто будет гоготать последним, когда я его сердце вам на блюдечке принесу! Проводите меня только к тому месту, где видели вашего мишку косолапого крайний раз!

– Да ладно, угомонись ты уже, – со смехом молвил Боян. – Хорош народ веселить! Никуда ты не пойдёшь завтра, ибо не знаешь даже, куда идти, а из нас никто не возьмёт такой грех на душу и не поведёт тебя...

– Да неужели?! – Емельян высыпал на стол очередную горсть серебряных монет. – Ты уверен в этом?!

В таверне мигом воцарилась напряжённая тишина. Тусклый блеск серебра завораживал, что есть, то есть. Для местных это было пусть небольшое, но состояние.

– Я ведь только что сказал тебе: не делай глупостей, – сокрушённо покачал головой Благояр. – Но похоже, ты меня не расслышал...

Глава 3. Хмурое утро

Утро давно уже наступило, когда Емельян наконец проснулся и, кряхтя, спустился из своей комнаты на первый этаж, в зал. В «Старом дубе» практически никого ещё не было, кроме Драговита, спящего на одной из лавок после вчерашней попойки, Благояра, неторопливо потягивающего настойку травяного отвара, заботливо принесённую ему Сваригой, да Лодомила, который сидел в дальнем углу и весь ёрзал в нетерпении, явно кого-то поджидая. При виде изрядно помятого после вечерней гулянки Емельяна Лодомил аж подпрыгнул от радости, но тут же сел быстро назад, приняв скучающий вид и продолжив медленно потягивать пиво из кружки, что вот уже пару часов как стояла перед ним.

– Ну, чего, не передумал ещё? – Благояр вопросительно посмотрел на хмурого Емельяна. Тот хоть и протрезвел уже, но отступить назад было стыдно, потому отрицательно замотал головой, слегка застонав от этого своего опрометчивого поступка. После вчерашнего головушка-то побаливала некисло. «Эх, и надо же было ещё вина с медовухой принять на грудь...» – грустно подумал он.

Емельян кивком поприветствовал Лодомила и сел без спроса за столик к Благояру.

– Надеюсь, не помешаю, – хмуро буркнул он.

– Не помешаешь...

– А можно мне того же? – Емельян осторожно принялся к тому, что пьёт Благояр, и решил, что это самый подходящий для него напиток сейчас.

– Почему нет? Хозяйка чудесный травяной отвар делает, тебе просто необходимо хлопнуть кружечку... Сварига! – слегка повысил голос Благояр. – Будь так любезна, сделай нашему столичному гостю свой настой чудотворный!

– Да несу уже, несу! – Сварига, казалось, прочитала мысли Емельяна, ибо была уже тут как тут с кружкой своего ароматного травяного напитка. – Пей на здоровье!

– Нехорошо у нас с шатуном этим вышло, – Благояр задумчиво взирал, как Емельян, кривясь, отхлебнул Сваригино отвара. – Мы виноваты пред ним сильно, и он мстит нам теперь. Как будто сам Велес в него вселился и решил проучить нас. Тебе не одолеть его, ты это понимаешь?

– Понимаю, – уныло молвил опухший после вчерашнего застолья Емельян, небольшими глотками допивая травяное зелье. – Если уж Белогор с Мирославом не сдюжили, то мне-то куда...

– Обожди ты! – нахмурился недовольно Благояр. – Может, и сдюжили, кто знает? Неделю от них вестей нет, так ведь и шатуна уже неделю никто не видел! В общем, послушай доброго совета... Сиди в своей конуре наверху тихо и не рыпайся. Денег у тебя куры не клюют, спокойно можешь пожить в «Старом дубе» в ожидании твоих охотников. Они, если вернутся, то по-любому сюда заглянут. У них тут и вещи оставлены, и за коней своих они заплатили на пару седмиц вперёд. Значит, знали, что дело не быстрое...

– Это у меня вчера денег куры не клевали, – горестно вздохнул Емельян. – А сегодня я на мели... Пусты уже мои карманы...

– Ты чего, давеча всё просадил?! – незаметно подошедший к их столику Лодомил слышал последние слова Емельяна. – Ну ты и остолоп! А я тут сижу с утра, жду тебя! Думаю за вознаграждение проводить к погорелому тополию, где видели крайний раз шатуна, а он, оказывается, всё вчера уже спустил! Тьфу на тебя, столько времени зря прождал! – злой Лодомил сплюнул на пол да стремительно вышел вон из «Старого дуба», сильно хлопнув дверью напоследок.

– Чего это он? – Куломий бросил насвистывать, протирая кружки, и удивлённо уставился вслед Лодомилу.

– Не получилось у него денег по-лёгкому срубить, вот и расстроился малёх, – усмехнулся сквозь седую бороду Благояр.

– К погорелому тополю мне надо, значит... – задумчиво протянул Емельян. – А почему этот тополь так называют?

– Да молния в него била как-то, причём дважды. И ничего, стоит. Обгорел слегка, но пока держится. Даже цветёт периодически.

– Далеко до него?

– Прилично. Сам не найдёшь, – хмыкнул Благояр.

Емельян посмотрел жалостливо на своего невозмутимого собеседника, пошарил неуверенно по карманам, потом, видно, решил и, стаскивая с пальца старое, давно потемневшее от времени серебряное кольцо, твёрдо протянул его Благояру.

– Возьми! От деда осталось, семейное! Только проводи к этому погорелому тополю! Мне плевать на вашего медведя, но Мирослав мне нужен кровь из носу! Это моё первое серьёзное поручение от князя, и я не могу провалить его, понимаешь?! Не могу! А времени нет у меня сидеть и ждать! Ни времени, ни денег... Пойду поищу их! Новичкам везёт ведь, да?!

– Куда ты собрался идти искать этих следопытов? В наши непролазные, дремучие леса? Совсем умом тронулся? Ты разумеешь, что иголку в стоге сена найти проще будет? – старый охотник взял кольцо, повертел его в руках и угрюмо перевёл взгляд на, по его мнению, слегка поехавшего крышей молодого посла. – Скорее тебя там шатун найдёт да отзавтракает тобой добро...

– Я всё равно пойду, не с тобой, так с другим провожатым, – сжав зубы, упрямо молвил ещё так и не пришедший в себя после вчерашней гулянки княжий посланник.

– Забери своё колечко назад, – Благояр, тяжело вздохнув, вернул семейную реликвию Емельяну и сочувственно зыркнул на молодого гостя. – Я отведу тебя и так к погорелому тополю, коль неугомонный ты такой. Возьму грех на душу, так уж и быть. Ибо если не я, так другой желающий найдётся, только уже за кольцо твоё драгоценное... Тот же Лодомил, например. Да мало ли у нас до серебра охочих?! Эх, есть в тебе что-то... Авось и правда тебе повезёт! Если Белогор с сыном ещё живы, они сами тебя найдут в лесу. Так что провожу тебя скрепя сердце до погорельца нашего, но более на меня не рассчитывай, я только до дерева и обратно, ты понял меня?

– Да-да! Конечно! Благодарю... э-э-э...

– Благояр меня зовут.

– Благодарю, Благояр!

– Иди собирайся. Десять минут тебе на сборы.

– Мне хватит и пяти!

Емельян быстро допил травяной отвар и опрометью бросился наверх.

– Первый раз вижу, чтоб человек с таким желанием бежал навстречу своей смерти, – задумчиво протянул Благояр. – Интересно, этот молодой дурачок хоть знает, где у медведя перёд, а где зад?..

Глава 4. Шатун

Шли они что-то около часа, по подсчётам Емельяна, пока прямо перед ними на небольшой опушке не показался здоровый тополь, местами изрядно обгоревший. Но мать-природа ещё не до конца махнула рукой на своё творенье, и кое-где в кроне его то и дело проглядывали зелёные ростки жизни.

– Вот здесь и видели последний раз топтыгина. Сюда же и Белогора с Мирославом привели... Не передумал, парень? Ещё не поздно вернуться со мной назад, в деревню, – Благояр вопросительно посмотрел на Емельяна. Тот лишь упрямо сжал зубы и отрицательно замотал головой.

– Тогда бывай, посол. Удачи. Она тебе пригодится! – с этими словами Благояр развернулся и, явно торопясь, быстро пошёл назад. Видно, что ему тут было не по себе.

– Надо думать, когда шатуны всякие по окрестностям разгуливают, – пробормотал ему вслед уныло Емельян. – И что мне теперь делать здесь одному, а? Хорошо хоть жратвы с водичей вдоволь взял с собой... – новоиспечённый охотник на грозных хищников внезапно почувствовал себя страшно одиноким и несчастным. За каждым деревом ему вдруг стал мерещиться ужасный медведь-людоед.

Емельян вздрогнул, силой воли отогнал от себя пугающее наваждение, достал из заплечного мешка бурдюк с живительной влагой, не спеша отхлебнул из него и неуверенно потопал вниз, по небольшому ручейку, что бежал тут же, аккуратно мимо невезучего тополя.

– Или везучего, это уж смотря с какой стороны глянуть... Мирослав! Белогор! – заорал он вдруг неожиданно истошно даже для самого себя, так, что спугнул нескольких ворон с крон ближайших деревьев. – Отзовитесь! Меня зовут Емельян! Я посол самого князя Святослава!..

Лишь далёкое эхо было ему ответом в звенящей тишине, которая, казалось, обволокла невидимыми нитями эту непролазную чащобу.

– Белого-о-ор! Миросла-а-ав! Где вы?! Я иду искать! Раз, два, три, четыре, пять... М-да. Либо меня найдут, либо меня сожрут, третьего не дано, – молвил он мрачно. «Хотя почему не дано? Я могу просто заблудиться и сдохнуть от голода в этих непролазных дебрях! На ягодах да кореньях долго не протянуть... Тем более я в них ничего не понимаю...» – невесёлые думы крутились в голове у Емельяна.

Несколько часов он уже ходил по лесу, безрезультатно выкрикивая имена разыскиваемых им охотников. В ответ была лишь тишина. Что делать дальше, Емельян не представлял. Он рассчитывал либо умереть от лап медведя, либо найти отца с сыном, что бродят здесь уже с неделю в поисках этого самого шатуна, но вот что никого не сыщет, этого он не предусмотрел. Хотя ладно, ещё не вечер...

– Уф, хорошо хоть Благояр дал мазь свою чудодейственную и заставил ею намазаться, а то эти кровопийцы-комары с тучами различной летающей мошкары меня бы тут давно сожрали, и никакого мишки не понадобилось... Миросла-а-ав! Бело-о-ого-о-ор! Где же вы?! А-ау-у-у...

Емельян внезапно резко остановился и замолчал. Чуть левее от ручейка, по которому он следовал, в чаще леса, в глубине, шагах в пятидесяти, он вдруг ясно увидел огромную молчаливую мохнатую тень. Прямо на него смотрел, практически не двигаясь, здоровенный бурый медведь. У Емельяна мгновенно всё онемело внутри. С минуту человек и свирепый, смертельно опасный зверь бездвижно стояли и разглядывали друг друга. Казалось, что прошла вечность. Наконец шатун высунул язык, облизнулся и сделал пару шагов в сторону молодого посла. Это было очень страшно! Емельян почувствовал, как земля уходит у него из-под ног, и инстинктивно сделал шагок назад. Сначала один, потом другой. Тогда медведь, слегка прихрамывая на левую заднюю лапу, не торопясь, пошёл прямо на Емельяна, потихоньку наращивая скорость.

За долю секунды сердце юного охотника на косолапых ушло в пятки, и дикий ужас обуял его. Емельян вдруг ясно представил себе, что его сейчас просто сожрут, и ничего от него не останется, и что он всего лишь очередной ходячий обед для этой страшной, здоровенной, голодной зверюги.

– Беги назад, как пришёл, придурь, и быстро! – раздался внезапно где-то недалеко, позади него чей-то мужской приглушённый голос.

Емельян резко обернулся, но никого не увидел. Мгновенно оглянувшись на приближающегося к нему медведя, он стремглав развернулся и помчался назад, как шёл, петляя между деревьев, аки заяц. Ему казалось, что он никогда так быстро не бегал, но шум от стремительно несущегося за спиной голодного хищника становился всё ближе, и, оглянувшись торопливо назад, Емельян с ужасом для себя понял, что хромой шатун его уверенно догоняет! Всего несколько десятков шагов осталось! Меньше даже! «Лишь бы не навернуться ни обо что, лишь бы не упасть...» И тут же, споткнувшись о так некстати попавшуюся ему на пути корягу, Емельян кубарем полетел вперёд, мгновенно вскочил и, обернувшись, понял, что это всё, конец.

– Не-ет! – лишь слабо выдавил он из себя. «Даже закричать напоследок не смог», – досадливо мелькнуло у него в голове.

Шатун был уже всего в нескольких шагах и, встав на задние лапы, издал страшный рык да бросился на замершего перед ним человека. Емельян же практически смирился со своей судьбой стать очередным обедом для этого ужасного медведя-людоеда, потому зажмурил глаза и стоял, не шелохнувшись.

Вверху, в ветвях здоровенного дуба, под которым приготовился смиренно погибать молодой посол, что-то вдруг зашуршало, и чья-то сильная рука, ловко схватив Емельяна за шиворот, дёрнула его вверх и легко закинула на одну из крепких ветвей дерева. Шатун пролетел мимо, яростно рыча от гнева и досады; когти его лишь полоснули по подошве сапога так неожиданно ускользнувшего от него сочного куска мяса, который он уже считал своим.

– Держись крепко за ветку и не двигайся! – торопливо прошептал белобрысому непоседе в ухо всё тот же голос, что ранее велел бежать назад.

Емельян намертво обхватил толстенную ветвь дерева и с ужасом таращился вниз, на беснующегося в своей дикой ярости зверя. Но вот медведь бросился к дубу и ловко полез вверх по его здоровенному стволу. Внезапно откуда-то сзади прилетело копьё и вонзилось в могучую спину людоеда. Тот упал на землю, зарывав ещё пуще от боли и ярости, и, тут же вскочив, попытался сбить лапой торчащее из его хребта оружие, но достать его не смог. В этот миг ещё одно копьё прилетело в медведя, на этот раз попав ему в бок. Шатун в лютом бешенстве обернулся и увидел метрах в двадцати позади себя безоружного человека, который настолько обнаглел, что даже легко хлопнул в ладоши, привлекая к себе его внимание. Медведь тут же помчался на этого наглеца, посмеявшегося причинить ему такие страдания! Сейчас он сметёт этого безумца со своего пути! Охотник же лишь отступил на пару шажочков назад и встал неподвижно, спокойно поджидая стремительно несущегося на него раненого и от этого ставшего ещё более опасным страшного зверя. Вот уже лишь несколько шагов разделяет их! Шатун приподнялся на задние лапы и бросился всем своим весом вперёд, чтобы растерзать на куски этого маленького, но такого нахального человечка. Тот же вдруг резко присел и быстро достал из высокой травы необычное, средней длины копьё с широким, перообразным лезвием и крестовиной у самого его основания. Умело оперев древко в землю, храбрый охотник направил остриё необычной пики прямо на летящего на него разъярённого медведя. Момент был выбран идеально, и обезумевший от боли и ярости шатун затормозить или увернуться уже никак не успевал; всей своей массой он насадил сам же себя на это странное оружие, чем-то отдалённо напоминающее рогатину. Продуманная конструкция копья с крестовинкой не позволила людоеду под весом своего тела соскользнуть далее по древку. Только из-за этой крестовины необычная пика и не пронзила его насквозь. В этот же миг сзади стремительно приблизился к мед-

веду ещё один человек. Метнув на ходу один за другим пару ножей в ревущего в предсмертной агонии шатуна, страшно беснующегося на необычном копьёце, охотник быстро выхватил из-за спины два одноручных клинка и ловко прыгнул сзади на хребет взбешённого хищника, одновременно загоня ему оба меча чуть ниже шеи по самые рукояти. Издав последний предсмертный рёв, косолапый людоед бездвижно обмяк на крестовой рогатине, не подавая более признаков жизни.

– Ты в порядке, отец? – воин, что вонзил медведю в спину два клинка, быстро спрыгнул с мёртвого зверя и бросился к человеку, который всё ещё крепко держал диковинное оружие. Тот, в свою очередь, не спеша выполз из-под нависшей над ним здоровенной туши хозяина леса, способной раздавить охотника, как муху, если бы не удерживавшее его странное копьё, и довольно пробасил:

– Всё нормально, сынок, всё нормально!.. Задел лишь чутка, но это мелочи! Царапины... Пришлось слегка импровизировать, но всё вышло как нельзя лучше! Хотя поначалу события развивались совсем не по нашему плану...

Правая рука у Белогора, отца Мирослава, была вся в крови, но беглый осмотр показал, что когти медведя прошли вскользь, содрав лишь местами кожу. Мирослав шустро вытащил из своей котомки аккуратно сложенный широкий кусок льняной ткани и маленькую баночку с мазью из целебных, заживляющих трав. Далее, не теряя драгоценного времени, разорвал полотно на широкие лоскуты и умело перевязал отцу руку, предварительно смазав рану лечебным бальзамом. После чего обернулся и крикнул насмешливо в сторону Емельяна:

– Спускайся уж, баламошка, или ты там гнездо себе свить собрался?

Емельян, до сих пор крепко державшийся за ветку дуба, быстро спрыгнул на землю. Он так и не понял, как Мирославу удалось так быстро и ловко закинуть его на дерево, а самому при этом спуститься вниз и зайти страшной зверюге со спины. Но оттуда, сверху, он прекрасно видел быструю расправу, учинённую двумя охотниками над свирепым медведем-людоедом, наводившим ужас на всю округу, и был очень впечатлён проявленными мужеством, смелостью, сноровкой и храбростью, которые продемонстрировали отец с сыном. Белогору недавно перевалило за пятьдесят, но он находился в отличной форме: всё так же строен, подтянут и мускулист; до сих пор ни одной пряди седой у него не виднелось. Мирослав был точь-в-точь копией своего отца, только, естественно, помоложе.

– Ну вы!.. Это... Ну вы, блин, даёте!.. – растроганный Емельян неожиданно для самого себя бросился к Мирославу с Белогором и принялся крепко обнимать их; сначала одного, потом другого. Попытка же повторить этот процесс по кругу не увенчалась успехом; Белогор уверенно отодвинул от себя вознамерившегося было облапить его по новой Емельяна и со смехом сказал, обращаясь к Мирославу:

– Ты смотри, наш козлёнок, кажись, сейчас разревётся от переполняющих его эмоций!

– Ты хоть представляешь, дурашка, как тебе повезло, что ты, побежав назад, споткнулся как раз под тем дубом, в ветвях которого я затаился? – Мирослав вопросительно взглянул на Емельяна. – Так бы не факт, что мне тебя словить удалось...

– Почему козлёнок?.. – Емельян растерянно захлопал глазами.

– Да потому что мы тебя использовали в качестве козлёнка, как только ты пришёл в лес и начал орать аки полоумный! Нашего-то, что мы купили в Залесье для приманки, в первую же ночь в лесу волки загрызли, будь они неладны, и мы сильно тут намаялись за эти дни, пытаясь выследить этого хитрого потапыча без наживки. Очень уж ушлый оказался! Даже думали возвращаться в деревню за ещё одной скотинкой, а тут ты объявился, отрок неразумный, и как давай голосить! Ну, грех было этим не воспользоваться!.. – со смехом молвил Мирослав.

– Что?! Что-о-о?! – Емельян аж потерял дар речи, настолько его потрясло услышанное. – Вы меня, получается, как опарыша использовали всё это время?! Вместо козлёнка?! Я что, похож на козлёнка?!

– Похож и на козлёнка, и на опарыша, – кивнул с улыбкой Белогор.

– Вылитый! – весело вторил своему бате Мирослав.

– Да я вас!.. Да я... Да вы знаете, кто я такой?! – от переполнявшего его возмущения Емельян даже стал задыхаться, настолько спёрло воздух у него в груди.

– И кто же ты, мил человек? Помимо того, конечно, что дурачок, каких поискать... – поинтересовался участливо Белогор.

– Я Емельян, посол самого князя Святослава! – выпалил тот пафосно, выпятив гневно вперёд свою впалую грудь.

– Да что ты говоришь, – покачал равнодушно головой Белогор, обходя с Мирославом тушу медведя и примериваясь, как бы её половчее снять с рогатины, непостижимым образом до сих пор не переломившейся под такой тяжестью. – Посол, значит. И что же посол делает в дремучем лесу подле двух простых охотников? Давно у нас послы такие глупые стали, что по лесным чащобам в одиночку шляются да орут ещё при этом как умалишённые? Кто их там таких отбирает-то...

– У меня приказ самого князя Святослава! Велено передать в руки лично вашему сыну! – с этими словами, кровно оскорбившись таким явным неуважением к своей значимой (как ему, по крайней мере, казалось самому) персоне, Емельян полез к себе за пазуху, достал мятое письмо, скреплённое княжеской печатью, и недовольно вручил его иронично улыбающемуся Мирославу.

– Свои-то бумаги тоже давай сюда, – Мирослав постарался принять серьёзный вид и протянул требовательно руку к Емельяну. – Сейчас поглядим, что ты за птица такая, посол.

Емельян нехотя выудил из нагрудного кармана и передал Мирославу свою верительную грамоту от государя.

– Тут сказано, что ты всего лишь посыльный, но с важным поручением от князя. Гонец то бишь, – Мирослав бегло пробежался взглядом по грамотке Емельяна, потом снова вопросительно уставился на него. – Или ты считаешь, что посыльный и посол – это одно и то же?

– А разве нет? – Емельян озадаченно закусил губу.

– Понятно всё с тобой. Причём давно уже понятно... – Мирослав вскрыл княжье письмо, предназначавшееся ему лично, быстро просмотрел, после чего прочитал ещё раз, уже не спеша, внимательно. Потом сложил его неторопливо и задумчиво убрал в свою котомку.

– Вот оно, значит, как! Любопытно, что из этого выйдет... – протянул он озадаченно.

– Что случилось? – Белогор вопросительно взглянул на сына.

– Святослав к себе вызывает. Всех троих.

– То есть тебя, Ратибора и... – Белогор изумлённо поднял кустистые брови.

– Угу. И Яромира!..

– Да неужели!

– Ага!

– Во как!

– И не говори!

– Интересно, что из этой затеи получится...

– Самому не терпится узнать!..

– Стойте, стойте, попридержите коней! Сначала мы должны добраться до Ратибора, что окучивает груши где-то на юго-восточном рубеже, в крепости под названием Первая застава, – влез в разговор Мирослава с Белогором Емельян, – а потом уж должны ехать за Яромиром... Что, кстати, с ним? Это всё из-за того случая годовой давности? Так и не пришёл в себя?... Да, жаль, конечно, что так вышло...

– Мы должны ехать? – глядя на Емельяна, хмуро уточнил Мирослав, сделав ударение на слове «мы».

– Конечно, мы! Я и ты! Князь велел мне сопровождать тебя на протяжении всего нашего пути!

– А чего, голуби уже не летают, что ль, на Первую заставу? Что за необходимость такая лично туда переться? Письмецом-то голубиным не быстрее, не? – Белогор вопросительно перевёл взгляд с Емельяна на сына.

– В письме пишет, что просит сначала меня лично с Ратибором поговорить, посмотреть на его настроение, так сказать. Сам помнишь, как они с князем последний раз пообщались меж собой. Не очень удачно, мягко говоря... – тяжело вздохнул Мирослав.

– Да! И мне Святослав велел сопроводить тебя лично до Ратибора! Для него, кстати, тоже мне послание особое передал! – Емельян был явно горд тем, что ему доверили такое важное задание.

– А ты кем ему приходишься, а? Государю-то нашему? Откуда, вообще, ты взялся, такой несуразный? Недавно, поди, в наших краях? Не родственник ли, случаем, дальний какой? – поинтересовался Белогор.

– Как вы догадались? – удивлённо спросил Емельян. – Ну да, племянник я ему! По дальней линии, сын Будимила, его двоюродного...

– Всё ясно, можешь дальше не продолжать, – Мирослав недовольно скривился. – Я-то тебя, может, и потерплю ещё, а вот Ратибор – вряд ли. Нянькой ему быть точно не понравится...

– Мне нянька не нужна! – обиженно промямлил Емельян. – И вообще, хватит меня оскорблять! Я племянник самого князя, а вдобавок ещё и его посланник, особо уполномоченный, так сказать!..

– Гонору у тебя не по годам твоим да делам, – неодобрительно молвил Белогор, опрокинув наконец сообща с Мирославом тяжеленную тушу косолапого вместе с крестовым копьём на бок, на постеленное рядом заранее широкое полотнище.

– Угу, и язык без костей, – добавил Мирослав. – Метёт как помело. Сходи, что ль, дров набери, хоть толк от тебя будет...

Обиженно надув губу, Емельян нехотя замолк и пошёл, насупившись, выполнять данное ему поручение. Белогор с Мирославом тем временем, не торопясь, умело освежевали тушу убитого медведя, сняв с него шкуру, вырезав сердце, вырвав ему клыки с когтями да нарезав с его самых лакомых частей мяса, которое тут же и пожарили на разведённом костре. Емельян только сейчас понял, как он проголодался, и, с волчьим аппетитом уплетая за обе щёки медвежьей лапу, признался, что вкуснее ничего в своей жизни не ел. Мирослав с батей лишь молча хмыкнули на это, сами уминая сердце свирепого хищника. Мирослав отрезал от него небольшой кусок и протянул Емельяну.

– Съешь, тебе в первую очередь надо. Скоро будешь сильным и храбрым, как этот топтыгин.

Емельян сначала неуверенно попробовал на зуб неожиданное угощение, после чего послушно уплёл предложенное лакомство, благо вкусоптицей оно оказалось невероятной. Спорить, обижаться и брыкаться не хотелось уже совершенно. Не с этими людьми, по крайней мере. Емельян хоть и дулся всё ещё на них, но прекрасно понимал, что обязан жизнью этим простым, но вместе с тем сильным, волевым, умелым охотникам.

– На вот, держи, – Белогор кинул Емельяну коготь и зуб убитого ими медведя. – На память. Заслужил.

– Благодарю, уважаемый! – Емельян аж весь засиял, принявшись восторженно разглядывать подарок, затем бережно спрятал его в один из боковых своих карманов.

– А говорит-то он иногда правильно, – Белогор задумчиво посмотрел на княжьего племянша. – Испорчен, конечно, цивилизацией да зелен ещё, но этот недостаток быстро проходит. А так, может, и будет из него толк, если в хорошие руки попадёт... Это твоё, – Белогор сложил два клыка и три когтя шатуна в небольшой мешочек и передал его сыну. – Остальное на про-

дажу пойдёт. Знаю парочку-другую покупателей. Ворожеи отлично платят за медвежьи клыки да когти, особенно если они принадлежали людоеду...

– Полагаю, князь так же подумал про своего племяшку. Потому и отправил этого оболтуса к нам. На поруки, так сказать! – Мирослав согласно кивнул, взял переданный отцом мешочек с трофеями и бережно убрал себе за пазуху.

– Мирослав, а можно вопрос?

– Валяй, Емельян.

– А кто из вас самый сильный? Ну, из вашей троицы, имею в виду. Слышал я о ваших подвигах уже неоднократно!..

– Знамо кто, – крикнул недоумённо Мирослав. – Что за глупый вопрос? Ратибор, конечно.

– А почему «конечно»? А как же Яромир? Тот ведь тоже, говорят, силён!

– Яромир, конечно, силён. Но Ратибор – сильнее...

– А если бы они сошлись в поединке, кто бы выиграл?

– Ты что такое мелешь, Емеля?! Этого никогда не будет, они с детства дружат, как и их отцы дружили! Меч Яромира, между прочим, ему по наследству достался от своего бати. Который тому, в свою очередь, выковал отец Ратибора. Искусный кузнец был, между прочим!

– Ну, Мирослав, ну, я же чисто теоретически, так сказать!

– Ну, если только чисто теоретически, – задумчиво вздохнул Мирослав, – то полагаю, что Ратибор одержал бы верх. Хотя эта победа была бы для него и не из лёгких.

– Врукопашную или с оружием в руках?

– И так и так.

– Поддерживаю, – согласно кивнул Белогор.

– А правда, что Ратибор с год назад одолел в поединке Светозара из Орёлграда, того самого, непобедимого?

– Правда, – кивнул Мирослав. – Долго они цапались меж собой и, наконец, перед самым отъездом Ратибора на заставу, а Светозара – в Орёлград, сошлись-таки в долгожданной схватке. Без шансов для последнего, на мой взгляд. Правда, Светозар, когда очухался, грустно пообещал, что как-нибудь вернётся за реваншем, но, думаю, итог будет таким же. Ратибор моложе, сильнее и быстрее. Вообще, я слабо себе представляю того человека, который смог бы одолеть его один на один в поединке, будь то врукопашную или с оружием в руках. У Ратибора редкий природный дар выходить победителем из всех передраг, куда бы он ни влез. Вспоминая, например, ту знаменитую рубку в «Хромой лошади» с ватагой Ждана Зайца, я каждый раз ловлю себя на мысли, что наш рыжий приятель и без нас с Яромиром там всех бы раскидал в одиночку, хоть это и звучит сказочно...

– Знавал я в своё время повитуху Ведану, известную на всю округу ворожею, что принимала роды у Заряны, матушки Ратибора, – задумчиво молвил Белогор. – Когда он родился, знахарка тут же приложила малого топтыжку к груди матери, напиться жизненной силой, так сказать, и произнесла пророчески, закатив свои страшные глаза: «Славный воин сейчас родился! Равных в бою не будет ему! Отмечен богами сей мальчик. Великая судьба ему уготована, если не свернёт с пути чести и совести!» Ведана, кстати, никогда не ошибалась... Отец Ратибора, могучий кузнец Градимир, услышав это, сразу сказал, что отдаст парня в дружину княжью, как только тот первые шаги сделает, на обучение делу ратному.

– Ну да, а там Ратибору уже равных не было, – согласно кивнул Мирослав. – Всё на лету схватывал, даже если ленился порой. Это ему не мешало быть лучшим. Говорю же, талант у него редкий.

– Да... Жаль, отец его успехов сына уже не увидел... – пробормотал еле слышно Белогор. – Градимир бы гордился своим рыжим сорванцом... Всё, хорош трепаться, давайте на боковую, – уже громко произнёс он. – Утро вечера мудренее.

Переночевали Белогор, Мирослав и Емельян тут же, у костра, а рано утром, с первыми лучами солнца, нагрузив себя медвежьими трофеями, отправились назад, в Залесье. Емельяну тоже вручили здоровый тюк с добычей, чтобы не шёл пустым.

– Скажешь в деревне, что также приложил руку к умерщвлению людоеда лютого. Тем более что так ведь оно и есть на самом деле! – хмыкнул ему Мирослав.

– Это да, – согласился с доброй ухмылкой Белогор. – Сколько лет на потапыча хожу, а такого шикарного козлёночка у меня ещё никогда не было!

Отец с сыном заливисто рассмеялись. Емельян, собравшийся было опять надуться, вдруг понял, что уже совершенно не обижается на этих двух суровых воинов, и неожиданно для самого себя захохотал вместе с ними. Напряжение вчерашнего тяжёлого дня наконец схлынуло с него, заставив снова почувствовать вкус к жизни. Всё хорошо! Жив остался, и первая часть задачи, поставленной князем Святославом, выполнена! Мирослава нашёл! Дальше должно быть легче, ведь он теперь не один будет, а с этим явно опытным воителем! Всё должно получиться!

С хорошим настроением, с шутками да прибаутками трое путников вернулись в Залесье, направившись напрямик к «Старому дубу». Жители деревни с удивлением и радостью выглядывали из окон и дверей своих изб, приветствуя долгожданное возвращение следопытов. Судя по их добыче, всем сразу становилось понятно, что охота закончилась успешно и Залесье наконец может вздохнуть спокойно, зажив своей прежней жизнью. Добрый клич тут же пустили по деревне, и на подходе к «Старому дубу» их уже встречали местные жители. Долгожданных гостей немедленно усадили в центре зала таверны да принялись кормить и поить, наперебой расспрашивая про их удачную охоту и восхищённо рассматривая выложенные на стол трофеи. Мирослав с отцом по большей части отмалчивались, лишь снисходительно улыбаясь уголками губ, а вот Емельян предстал во всей красе, в ярких подробностях описав, как он храбро вывел свирепого шатуна прямо на бравых зверобоев.

– Но вообще, – вдруг добавил он смущённо, – съел бы меня ентот косолапый людоед на ужин, как пить дать, если бы не эти два великих охотника на медведей! – светлокудрый гонец благодарно посмотрел на Мирослава с Белогором.

– Всё нормально, не переживай, – хлопнул его добродушно по спине Благояр. – Не при-
врать – истории не рассказать!

В тот день и ещё три за ним праздновало всё Залесье долгожданное избавление от напасти лютой. Пили и гуляли день и ночь, подоставав из чуланов и погребков часть своих самых неприкосновенных запасов. Наутро же следующего дня в «Старом дубе» Мирослав растолкал в каморке на втором этаже гулявшего наравне с местными жителями всю ночь Емельяна, неодобрительно при этом буркнув ему:

– Подъём. Пора ехать. Полчаса тебе на сборы и чтоб в себя прийти! – и, обернувшись на выходе из его комнаты, добавил: – Имей в виду, я пьяниц не люблю. А Ратибор – так тем паче!

С этими словами Мирослав развернулся, чтобы уйти, но его остановил полусонный Емельян:

– Подожди!.. – княжий племяш стыдливо кашлянул. – Тут, это, такое дело... Не мог бы ты мне денег одолжить немножко? Надо за опочивальню рассчитаться! А то я сейчас на мели... Но я всё верну, обещаю!

– М-дя уж... – Мирослав тяжело вздохнул. – Будешь продолжать в том же духе, посланник, Ратибор тебя, глядишь, ненароком и зашибёт в первый же день вашего знакомства!.. Жду тебя через полчаса внизу, у входа в харчевню. За конуру твою я расплачусь, так уж и быть. Будешь должен! – с этими словами Мирослав вышел из комнаты Емельяна, оставив того поспешно собираться в дорогу, и спустился в обеденный зал, где его ждал терпеливо Белогор.

– Отец, насчёт Вереи...

– Сынок, уже обсуждали же. Я всё ей объясню, как приеду в Мирград. Да и она хоть и капризная, но не глупая. Поймёт, что у тебя служба.

– Надеюсь, – вздохнул тяжело Мирослав. – Я ей обещал, что после этой охоты сразу домой, а видишь, как оно вышло...

– Всё нормально будет. У тебя приказ князя, как-никак. Да и дело это такое... Вы снова сможете втроём собраться. По крайней мере, попробовать! Неугомонная троица... Так что не сомневайся даже! – Белогор строго вперился в глаза сыну. – Таких друзей терять нельзя.

– Я знаю, отец, знаю. Да и сомнений нет. Сам по ним соскучился, сколько не виделись уже... Год почти!..

– Извольте чего-нибудь? – трактирщик Куломий был тут как тут. – За счёт заведения, как лучшим охотникам на косолапых на тысячи вёрст в округе!

– Бурдюки наши водой наполни, будь добр. Уезжаем мы скоро, – Мирослав взглянул на Куломия. – Кстати, сколько тебе за комнату свою должен Емельян? Ну, этот, посол который!..

– Я ему ещё вчера сказал, что, как лучшему в истории охоты на медведей «козлёночку», прощаю его долг предо мной, но он находился порядком под винными парами и, похоже, забывал, – Куломий улыбнулся. – А бурдюки ваши готовы, как и припасы. Кони помыты и накормлены, не извольте волноваться. Если что нужно ещё, только маякните.

После чего Куломий пошёл, довольно насвистывая, по залу, привычно расталкивая с утра парочку-другую задремавших завсегдатаев, вроде опять дрыхнувшего на одной из лавок Драговита. Избавление деревни от свирепого медведя-людоеда явно значительно улучшило трактирщику настроение.

– Я готов! – Емельян чуть ли не кубарем скатился по лестнице, всеми силами стараясь показать, что прекрасно себя чувствует после вчерашней гулянки. Надо сказать, что это у него не очень хорошо получалось.

– Ну что ж, тогда в дорогу, коли так, – Мирослав поднялся. – Если сейчас выдвинемся, где-то через седмицу с гаком должны быть у Первой заставы.

С этими словами трое путников вышли из таверны, забрали своих коней, услужливо приведённых Баженом, сыном Куломия, не забыв водрузить на них припасы с едой и питьём, и на этом пути-дорожки их разошлись. Белогор отправился в Мирград, отчитаться о проделанной работе, а Мирослав с Емельяном – на юго-восток, к Первой заставе, где вот уже почти год как нёс свою службу Ратибор.

Глава 5. Юго-восточный рубеж

На юго-востоке Мирградского княжества всегда было беспокойно. В принципе, на границах с многочисленными воинственными кочевыми племенами, в несметных количествах населявшими с юго-востока приграничные с Мирградом территории, спокойно не было никогда. Набеги они совершали регулярно, грабя, убивая да уводя людей в полон. Для защиты своей земли русы воздвигли по периметру границы так называемые заставы – довольно внушительного размера крепости, сложенные где из брёвен, а где и из блоков серого известняка, вмещавшие в себя разной численности гарнизоны из служащих там воинов. Служба на таких грозных рубежах считалась опасной и трудной; стычки со степняками происходили на регулярной основе, причём, как правило, с явным количественным преимуществом кочевников. Потому смертность была высокая среди воинов, хотя и платили за эту рискованную работу хорошо. Обычно служили там на добровольной основе, но в случае нехватки людей либо за какую-то провинность могли и в приказном порядке сослать в такую цитадель провинившегося воина на неопределённый срок.

Застава, куда держали путь Мирослав с Емельяном, являлась самой первой подобной крепостью, что ясно было из её названия, и считалась одной из самых опасных и нелюбимых для службы у русичей твердынь. Пограничные территории Мирградского княжества соседствовали здесь с различными по численности племенами печенегов – степных разбойников, воинственных кочующих воинов, наравне с хазарами очень сильно досаждавших Руси. Правда, последние, после того как с год назад потерпели сокрушительное поражение от объединённого войска Мирграда и Орёлграда, заметно поумерили свой пыл и затихли, сосредоточившись на внутренних распрях, а вот печенеги униматься и не думали, продолжая всё так же совершать набеги на близлежащие деревни, сёла и города. Но с появлением на Первой заставе нового командира ситуация резко изменилась. Гарнизон крепости насчитывал под пять сотен воинов и быстро стал одним из самых боеспособных с тех пор, как Ратибор принял на себя командование цитаделью. Ведь именно его, имевшего звание тысяцкого, указом князя Святослава назначили (или сослали, как шептались за спиной злые языки) год назад в эту отдалённую заставу, что находилась в шести днях пути от Мирграда. Под его руководством резко возросла боеспособность вверенной ему в подчинение дружины, прекратились пьянство, разгильдяйство и расхлябанность. Спрашивать Ратибор умел строго со своих подчинённых, и самым страшным наказанием для бойцов крепости было вызвать на себя его гнев.

Печенеги тоже вскоре познали на себе, что это такое – ярость нового воеводы Первой заставы. Вместо того чтобы отсиживаться за высокими стенами да лишь периодически выезжать в сёла и деревни, разорённые кочевниками, для составления дежурного доклада для Мирграда об очередных потерях русичей, Ратибор мало того что ввёл регулярное патрулирование близлежащих окрестных земель, так ещё и сам с завидным постоянством принялся совершать набеги на стойбища степняков, быстро переняв у них их же тактику, несколько, правда, изменив её, так как пленных русы не брали, грабежами не занимались да не трогали детей с женщинами. Наскок небольшим отрядом, неожиданный и стремительный, нанесение максимально возможного урона противнику и такой же скорый отход назад. Всего за год службы на заставе молодой тысячник стал настоящим проклятьем для нескольких ближайших печенежских племён, которые стали пугать на ночь детей именем рыжего демона. В общем, из Ратибора вышел отличный командир. Свои его любили и уважали за простоту, честность, храбрость, доблесть и справедливость, а враги боялись как огня, назначив немалую награду за его буйную рыжую голову.

В этот пасмурный день Ратибор, молодой, здоровенный, могучий исполин двадцати шести лет от роду, в полном боевом обмундировании в очередной раз сам поехал в дозор. Чего

он терпеть не мог больше всего, так это бездействия. Сидение в крепости без дела навевало на него тоску смертную, поэтому при каждом удобном случае Ратибор старался сам выбраться в патрулирование, возглавив один из небольших отрядов своих воинов, что совершали регулярный объезд приграничных территорий. Отличавшийся буйным нравом, возражений рыжебородый богатырь не терпел, и спорить с ним было бесполезно, потому подчинённые вскоре полностью свыклись с этой его странностью и даже радовались, когда он попадал к ним в дозор. В бою Ратибор, аки неукротимый ураган, был страшен до жути; в этом могли не раз убедиться уже все в крепости, посему с ним в патрульном отряде было, конечно, куда спокойнее.

В этот раз вечерний дозор, насчитывающий всего пять человек, не считая воеводы, объезжал наиболее дальние, спорные приграничные территории и как раз въехал в небольшой, но густой лес, что тянулся аккуратно по границе между Мирградом и землями печенегов. У Ратибора было тревожно на душе. Что-то ему не нравилось в этой поездке. Стояла странная тишина. «Почему не поют птицы? Что за напасть? Где лесные звери, хоть какие-нибудь?.. Кто-то их спугнул... – кто это мог быть, Ратибор хорошо себе представлял. – Нет, надо уводить людей отсюда. Не к добру эта гнетущая тишина, что стоит тут! Да и темнеть скоро начнёт. Так ведь вообще ничего видно не будет. Надо уходить, пожалуй...»

– Так, разворачиваемся! Возвращаемся на заставу! – наконец резко бросил он своим воинам, внимательно оглядываясь по сторонам, замедляясь да поворачивая назад.

«Что ента там зашевелилось, чуть левее у дороги? Папоротник... Явно не от дуновения ветра так закачался! Может, зверь какой пробежал?..» – Ратибору всё больше и больше не нравился этот дозор.

– Что случилось, тысяцкий? – с ним поравнялся Любомир, один из его сотников, который и должен был возглавлять этот патруль.

– Чуйка у меня. Принесла мне на хвосте своём пернатом, что следят за нами zenки недобрые. А ты знаешь, интуиция меня обычно не подводит!

– Понял. Значит, уходим...

– Угу, и пошустрее!

Ватажники быстро и дружно развернули коней да пустили их в галоп, поскакав назад. Если воеводе вдруг тревожно стало, то спорить с ним не след...

В этот миг откуда-то сбоку вылетела стрела и выбила из седла одного из воинов патрульного отряда, Данивара, вонзившись тому в голову.

– Засада! – громогласно проревел Ратибор, и в то же мгновение другая стрела впилась в шею его скакуна. Тот испуганно заржал в предсмертной агонии, передние ноги его подкопились, и вороной красавец рухнул на землю, выкинув рыжеволосого витязя из седла. Падая, тот успел сгруппироваться, потому отделался лишь лёгким ушибом. В это же время вражеские стрелы засвистели то тут, то там, пытаясь достать быстро удаляющихся оставшихся четырёх всадников. Те лихо пришпорили своих лошадей, без оглядки мчась прочь. В такой ситуации четверо за одним не возвращаются, это понимали все. Тем не менее Любомир обернулся, увидел, что случилось, и притормозил было коня, дабы вернуться на помощь своему командиру.

– Ратибор! – воскликнул он горестно.

– Уходите! – зычно рявкнул молодой великан, крепко сжав обеими руками любимую старушку секиру. – Это приказ! Выполнять!

Тем временем на узенькую тропинку, по которой ехал дозор, из чащи леса высыпали печенеги, не менее сотни, и с гиканьем и улюлюканьем окружили рыжебородого богатыря. Любомир в отчаянии схватился за голову, но несколько степняков, ещё пытающихся достать его из луков, всё-таки заставили верного сотника развернуть своего гнедого и поскакать стремглав назад, к крепости русичей. Ратибор остался один. Приготовившись подороже продать свою жизнь, он крепче сжал секиру и презрительно рыкнул в толпу окруживших его врагов:

– Идите сюда, собаки!

– Это же сам Ратибор, знаменитый рыжий демон, легендарный атаман Первой заставы! Живьём брать! – закричали радостно степняки.

Первых четырёх, с гикающим улюлюканьем бросившихся на него кочевников молодой исполин уложил несколькими могучими ударами своей двуручной секиры, после чего сам кинулся в толпу врагов. Кривые тонкие лезвия ятаганов печенегов были просто не в состоянии как-то сдержать или блокировать страшные удары его здоровенного топора. Мощь их была такова, что главной заботой было у Ратибора вытащить побыстрее из разрубленных практически надвое тел свою старушку для того, чтобы всадить её острое, как бритва, лезвие в очередного противника. Кочевники пришли в замешательство, ибо слышать про мощь рыжего демона – это одно, но почувствовать её на своих нестройных рядах – это совсем другое. Тем более что Ратибор умел впадать в неистовство в таких ситуациях, когда, казалось бы, всё оборачивалось против него и шансов не было. Силы удваивались, если не утраивались, и он мог без устали махать секирой на протяжении очень длительного времени. А тут ещё приказ взять живым; из луков не расстреляешь, да и бросался Ратибор яростно в самую гущу противников так, что и не выстрелишь ему даже по ногам; своих можно легко зацепить.

Тем временем ряды степняков быстро редели; человек двадцать нападавших уже лежали, разрубленные страшными ударами взбешённого русича. Кочевники всё пытались задавить Ратибора количеством, раз за разом накатываясь волнами на него, что более походило на наскоки стаи гиен, окруживших одинокого могучего льва. Вдобавок Ратибор презрительно улыбался, что вызывало просто дикий ужас у степняков. Это демон войны с огненного цвета волосами смеётся им в лицо, продолжая выкашивать, как косой, их стремительно редеющий отряд. Вот уже под пять десятков их братьев лежало в кровавых лужах на этой арене невероятной баталии, развернувшейся под хмурым, сумрачным небом. Бой длился около часа, и Ратибор, весь в крови, лишь сейчас стал немного устать.

– Это не человек, это сам бог войны, – шептались между собой испуганно печенеги, всё так же продолжая по инерции атаковать нестройными рядами рыжеволосого русича. И неизвестно, чем бы мог закончиться этот бой, если бы кочевникам не подоспели на помощь ещё с полсотни их соплеменников с сетями. Первую наброшенную на Ратибора сетку из толстенной бечевы он умудрился разорвать своими могучими руками, но следом полетела вторая, третья, четвёртая, и в результате здоровенного руса всё-таки общими усилиями спеленали так, что он стал похож на кокон огромной бабочки. И всё же, даже упав, непокорный витязь продолжал трепыхаться, пока один из кочевников не оглушил его несколькими тяжёлыми ударами древка копья по голове. Свет перед молодым богатырём померк, и он провалился в зыбкое кровавое забытьё...

Глава 6. Стойбище печенегов

– ...Он не человек, говорю я тебе! По крайней мере, не простой человек! Никто не может так драться из живых! Он демон! Пол-отряда моего вырезал, и если бы не подмога с сетями, уверен, он прикончил бы нас всех! Но это же просто невероятно! Я никогда такого не видел! Ему надо немедленно перерезать глотку, куда этот рыжий медведь не очухался и не натворил делов, Кверий!

– Всё в порядке, Третий, не волнуйся. Я не знаю, как ему удалось так потрепать твоих людей, но сейчас, даже если он сможет освободиться, нас тут тысячи полторы, не меньше! Будь даже этот громадный русич сам бог войны, ему не одолеть столько бойцов в одиночку! Да мы просто его стрелами наспигуем, и будет он у нас вместо чучела дикобраза!..

Сквозь кровавую пелену в голове Ратибора звучали приглушённые голоса разговаривавших недалеко печенежских воинов, но сознание упорно не желало возвращаться к нему. По крайней мере, не сейчас. Ещё не время...

Очнулся Ратибор оттого, что его окатили ушатом холодной воды. Он тут же дёрнулся было, но смог лишь неуклюже сесть на пятую точку. Голый по пояс, лежал он плашмя на сухой земле в каком-то шатре. Ноги его были в кандалах, а руки разведены в стороны и прикованы четырьмя железными скобами к крепкому толстому сосновому бревну метра полтора длиной, что тяжёлым грузом теперь покоилось на его широких плечах и спине. Голова ужасно гудела от сильных ударов древком копья, но в остальном он был цел, как ни странно; многочисленные мелкие ранения, которые Ратибор презрительно называл не иначе как царапинами, не в счёт. Он их мало замечал, ибо заживало всё на нём так же быстро, как и на матёром волке.

Было ещё довольно рано; солнце только недавно взошло, заставив таки туманную мглу рассеяться под первыми лучами и уступить своё место пришедшему ей на смену ясному дню.

– Ну что, очухался, рыжий демон?! – напротив Ратибора стояли двое печенегов; рядом с одним из них находилось пустое ведро, из которого только что его и окатили водицей. – Признавайся, за сколько продал свою душу хозяину тьмы?! Ну ты и покровсал моих, собака! Половину отряда вырезал! В одиночку! Как такое можно повернуть без колдовства тёмного?! Человек ли ты вообще?! – с этими словами один из говоривших, тот самый, с ведром, не удержался и с разбегу со всей силы пнул Ратибора в бок. Тот лишь зарычал в ответ, попробовав было дёрнуться в сторону ударившего его печенег, но скован он оказался крепко, потому его порыв тут же наказать наглого степняка не увенчался успехом. Тем паче что тот отпрыгнул мгновенно от Ратибора, явно боясь его пуще огня.

– Попался ты, попался на этот раз! – убедившись, что могучий пленник по-прежнему надёжно скован, довольно протараторил печенег. – Меня зовут Третий, и я хочу, чтобы ты знал имя того, кто получит за твою голову шлем, полный золота! – с этими словами Третий обернулся ко второму степняку, до сих пор безмолвно стоявшему рядом и лишь с неприязненным любопытством разглядывавшему Ратибора. – Передай великому хану Илдею, что рыжий великан очнулся, Кверий!

– Хорошо, – Кверий кивнул. – Надёжно спеленали его, я смотрю. Цепей не ослаблять! Пусть так к хану и ведут этого бешеного зверя!

– Само собой!

– Сегодня, демон с волосами, как у яркого пламени, – Кверий недобро уставился на молодого богатыря, – будешь умирать ты долго и мучительно, это я тебе обещаю!

Ратибор лишь презрительно сплюнул в ответ.

– Хотя почему только сегодня?! Ты здоровый, нам веселья и на завтра хватит, и на неделю вперёд! Мы тебя специально подкармливать будем, чтоб продержался как можно дольше, рыжий пёс! – после чего, стремительно развернувшись, Кверий быстро вышел из шатра.

– Пол-отряда вырезал, собака!.. – зло бормоча себе под нос проклятья, Третий взглянул ещё раз гневно на скованного Ратибора и тоже спешно покинул палатку вслед за Квериим. – Глаз с него не спускать! – отдал он приказ двум степнякам, дежурившим у входа в шатёр.

Оставшись один, Ратибор первым делом осмотрел, как мог, свои оковы. На ногах кандалы из доброй стали, так... А разведённые широко в стороны руки тяжёлыми железными скобами прикованы к бревну, что лежит на его могучих плечах, да вдобавок ещё обмотаны массивной металлической цепью. Это уже интереснее! Сами скобы, способные сдержать даже буйвола, скреплены были каждая парой толстенных железных штырей.

Ратибор что есть мочи напряг огромные мускулы на руках и тут же расслабил их. Цепь слегка, совсем чуть-чуть, но ослабла и стала посвободнее. Ратибор недобро улыбнулся потрескавшимся губами.

– Ничего, шакалы, я вам праздник-то ещё устрою, – пробормотал он угрюмо и снова напряг свои могучие мышцы...

Через пару часов за рыжебородым витязем пришёл вооружённый отряд кочевников из десяти человек под командованием Кверия и вывел его наружу. Зажмурившись поначалу от ярких солнечных лучей, ударивших ему в глаза, Ратибор огляделся. Оказалось, что шатёр, в котором он лежал, находился практически в центре стойбища печенегов, тысячи на полторы-две голов, не больше. Когда проверили перед выходом его кандалы, он сильно напряг мускулы на руках, и проверяющие не заподозрили ничего, так как цепи на бицепсах опять натянулись и спутывающие молодого исполина оковы выглядели более чем надёжно. Лагерь печенегов был забит битком; степняки бросили свои дела и пришли поглазеть на рыжего демона, ставшего страшной легендой в их краях всего за год. Его вчерашнее пленение также подлило масла в огонь, так как Ратибор умудрился уложить почти полсотни кочевников, прежде чем воеводу Первой заставы спеленали крепкими сетями. Охрана повела его к самому большому шатру, что виднелся недалеко, а в это время в опасного пленника местное население принялось кидаться землёй, палками да камнями. Как же, ведь сам рыжеволосый демон пойман, крепко связан и более не опасен! Ликованию мучителей не было предела! Ратибор лишь насмешливо улыбался на это да периодически сплёвывал, дабы выразить своё презрительное отношение к окружающим его врагам. Кандалы на его ногах хоть и были массивными, но ходьбе и широкому шагу не мешали.

«Да, не побегаешь в них, аки олень пятнистый, но ходить можно вполне. Это хорошо...» – довольно подумал про себя Ратибор.

Наконец его подвели к самому большому шатру в стойбище. Перед ним была небольшой высоты, но довольно длинная искусственная насыпь шириной метра в полтора, что-то вроде помоста с находящимся на противоположном её конце позолоченным тронем, на котором восседал сам хан Илдей, довольно тщедушного сложения печенег, разодетый в яркие богатые одежды. По бокам от трона стояло по охраннику, а чуть поодаль – группа особо приближённых к повелителю воинов и советников.

По обеим сторонам насыпи собралась толпа любопытных зрителей. Всем не терпелось увидеть яркое представление, главным событием которого будут изощрённые пытки рыжего великана. Разнообразные орудия оных уже лежали недалеко, разложенные у пыточного столба, и молчаливо ждали очередную жертву вместе с жирным, лоснящимся палачом, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу в предвкушении своего звёздного часа.

«Сейчас я вам устрою зрелище, шакалы трусливые, – пообещал сам себе мысленно Ратибор. – До конца ваших убогих жизней помнить меня будете!»

Поначалу пленника повели было сразу к пыточному столбу, но из окружения Илдея пробежал маленький шуплый человечек и стал что-то горячо шептать Кверию. Тот недовольно нахмурился, но спорить не стал, лишь дав отмашку вести Ратибора сначала к помосту.

– Хан хочет лицезреть, как этот рус сапоги ему целует! Желает, чтобы это все видели, все его подчинённые! – сказал Кверий подошедшему к ним Тertiю. – Только этот непокорный рыжий медведь никогда этого не сделает. По крайней мере, не в этой жизни!..

Ратибора между тем вытолкали на помост. Он находился теперь на насыпи, всего в десятке шагов от трона хана Илдея, в центре ненавидящей его толпы степняков. Фактически распятый, весь в цепях, с тяжёлым бревном на своих широких плечах, молодой великан стоял прямо, гордо выпрямившись, и кочевники поражались, сколько мощи скрыто в этом могучем русиче! Да-а-а, у них таких воинов отродясь не рождалось!..

– Итак! – хан Илдей встал, указав при этом торжествующе на своего именитого пленника. – Позвольте вам представить, мои собратья, самого непобедимого Ратибора, рыжего демона, легендарного атамана Первой заставы!

Раздался негодующий гул со всех сторон, и в Ратибора опять полетела всякая дрянь вроде песка и камней, но повелительным взмахом руки хан Илдей заставил утихнуть беснующуюся толпу своих соплеменников.

– Я обещал за его поимку шлем, полный злата! А слово моё – что кремень! – Илдей выдержал небольшую паузу, довольно обведя надменным взглядом притихших сородичей, и громко провозгласил: – Сотник Тертый, подойди же ко мне!

Тертый был тут как тут, подобострастно склоняясь перед ханом Илдеем. Тот протянул руки к шустро подбежавшему к нему одному из бойцов и взял у того шлем, доверху наполненный золотыми монетами. Торжественно подняв его над головой, он провозгласил:

– Итак, ценная награда нашла-таки своего героя! Встань, великий воин Тертый! Теперь ты уже не сотник, а тысяцкий! – с этими словами Илдей помпезно вручил ему шлем с золотом.

Тертый принял напыщенный вид, аки павлин, осторожно взял шлем в руки и торжествующе поднял его высоко над головой. Толпа восторженно взревела. Илдей опять довольно обвёл взглядом своих степняков, после чего жестом предложил новоиспечённому тысяцкому Тertiю встать рядом с ним, заняв место чуть правее, что тот охотно и сделал.

– Ну а теперь, – Илдей вновь заговорил, и кочевники тут же замолчали, – займёмся, наконец, рыжим демоном! Скольких наших ты, свинья красноволосяя, отправил на тот свет, а?! – Илдей прямо и гневно смотрел на Ратибора, которому всё это представление уже порядком поднадоело. – Падай на колени предо мной, моли о пощаде да целуй сапоги мои, презренный! Тогда, может быть, я буду добр к тебе и ты умрёшь быстро!

– Ты чего, собака блохастая, с дуба рухнул? – Ратибор презрительно сплюнул. – Поцелуй-ка ты лучше свою костлявую задницу, предварительно засунув в неё свои же начищенные до блеска сапоги! А если сможешь провернуть эти два трюка весёлых одновременно, я тебе даже поаплодирую, может быть!..

Толпа зевая возмущённо загудела. Хан Илдей же начал переливаться всеми цветами радуги, аж потеряв дар речи. Никто и никогда не смел говорить ему что-либо подобное!

Кверий тут же вскочил на помост, попытавшись ударить сзади наглого пленника под коленную чашечку, чтобы тот упал на колени, но Ратибор ловко развернулся и, насколько позволяла длина кандалов, мощно пнул Кверия в грудь, отбросив того с насыпи в толпу зрителей сильным ударом ноги. После чего рыжебородый богатырь напряг в очередной раз свои могучие бицепсы...

– Ты что, пытаешься сейчас разорвать эти железные цепи, глупец несчастный?! – насмешливо прокричал ему Илдей. – Их табун коней не сможет порвать, не то что человек!..

Кровожадная публика, окружавшая помост, загоготала вслед за своим ханом.

Ратибор же, не обращая внимания на эти вопли, свист и дикий хохот, вложил всю свою невероятную силу, доставшуюся ему от славных могучих предков, все свои ярость, ненависть и злость в эту попытку. Гигантские мускулы огромными буграми вздыбились под его опалённой солнцем кожей. И железо поддалось. Сначала вылетел первый штырь из одной из

скоб, потом второй, третий, четвёртый... Дальнейшее было делом техники. Одна кисть Ратибора выскользнула из тотчас же ослабевших оков, и, мгновенно высвободив и вторую, он взял и быстро намотал тяжеленную цепь себе на руку. Не верящие своим глазам печенеги, изрыгая страшные проклятия и хватаясь за оружие, со всех сторон дружно ломанулись к Ратибору наверх, на помост, и сделали это, как выяснилось, совершенно зря, ибо он только того и ждал. Легко раскрутив за цепь увесистое бревно, только что лежавшее на его плечах, рыжеволосый гигант скосил им степняков по кругу, как косой, и метнул после свой снаряд в толпу заклятых врагов, уложив этим броском добрую дюжину кочевников. Далее непокорный русич быстро присел на колено, взялся могучими пальцами за одно из широких звеньев на своих кандалах да сильным рывком легко разогнул его. Теперь два ошмётка цепи свисали вместе с оковами с обеих его ног, ничем между собой не соединённые. Ратибор стремительно вскочил и бросился вперёд, прямо к хану Илдею, сидевшему до сих пор на троне как истукан, не веря своим глазам. Молодому богатырю это было только на руку. В два гигантских прыжка настигнув его, он парой сильных ударов своих пудовых кулаков снёс обоих телохранителей хана, а самого Илдея сцапал могучей хваткой за горло, чуть при этом приподняв того в воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.